

***

Здравствуй жук-колорад, мой последний друг
И заклятый враг, полевой мой конь, убежавший
Вон – пусть палач хорош, да суров закон.

До каких же пор плести судьбу, расплескавши
Дар, ты стоишь в углу, и смеётся класс
От твоих проказ: мотылёк пропал, огонёк погас.

На больных зубах леденец скрипит, есть животный
Страх перед всем, что спит, что висит во сне
Мертвецом двора: если боль в груди,
Уходить пора.

И ложится жук на крыло своё,
И взлетает конь через дверь в окно, и долги,
Увы, не оставит Он: не велик пробел,
Да суров закон.

Камила Латыпова:

С самого начала в глаза бросаются штампы: «заклятый враг», «мой конь», «огонёк погас», «животный страх». Но последнее словосочетание меня трогает, образ оживает в воображении, и удивительным образом штамп начинает работать, внутри меня как будто начинает «двигаться механизм», который отвечает за испуг. Начинается бессознательное воздействие этих слов. Мне представляется, что стихотворение написано мужчиной, следующие строки усиливают это впечатление.

Кульминационным кажется образ – «мертвецом двора». Двор видится как скелет – каркасы домов, гаражей, машин, качелей. Этот образ раскрывает состояние лирического героя, заставляет сочувствовать.

Композиция стихотворения – кольцевая. В первой и последней строках повторяются слова: «да суров закон». Мне с самого начала текста казалось, что речь здесь идёт о неволе, тюрьме. В финале стихотворения все образы начинают работать, становится ясно, что говорится о законах природы.

Мне хотелось бы, чтобы все образы работали с самого начала; чувствуется нехватка ясности, акцентировки. Например, в начале, в первом четверостишии: «жук – колорад», «полевой конь»; в конце: «жук», «летающий конь». На мой взгляд, верность образам придала бы стихотворению больше формальной и смысловой завершенности.

Людмила Климович:

Первое впечатление: стихотворение – рассказ о взаимоотношениях с насекомыми. Похоже на смутное воспоминание из детства. Смесь ощущений. Жук-колорад, мотылёк, огонёк, смерть. Страх и боль. И изо всего этого создаётся образ вечного богакарателя. Настроение нагнетается и приводит к предчувствию неизбежного, тяжести и суровости закона.

Во второй строфе нарушен ритм стихотворения. А его запись не соответствует рифмическому строю. Это приём ничего не дал стихотворению.

Одуванчики, лопухи,
Море солнечной шелухи
На краю городского сада...
Так и носишь с собою впрок
До грядущего снегопада
Золотистый сухой клубок.

Мать-и-мачеха, череда,
Незабудки для никогда...
По горячей асфальтной кромке –
Подорожник, угрюмый страж:
У него разговор короткий –
Что потребует, то отдашь.

Сколько в камень ни забирай –
На земле прорастает рай,
Возвращается пядь за пядью:
Повилика да зверобой...
Сядет бабочка на запястье –
Уведёт тебя за собой

Под акацию да сирень,
Где посвистывает свирель,
Сердце робкое подзывая,
Крошки солнечной подложив...
Так улавливает живая
Жизнь, угадывая, кто жив.

Камила Латыпова:

Живописное стихотворение. Чудесная звукопись. Слова мелодично переливаются, читаются, как на одном дыхании. Образы растений и трав сплетаются в красочную картину. Стихотворение превращается из описательного в воспевание, в оду, в восхваление природы. Бросаются в глаза благозвучные рифмы: «лопухи – шелухи», «впрок – клубок», «кромке – короткий», «за пядью – на запястье», «сирень – свирель» и т.д. Складывается песня, близкая к романсу.

Две последние строчки полностью раскрывают замысел и авторский посыл: «так улавливает живая/Жизнь, угадывая, кто жив». И от читательского восприятия, от его подготовленности зависит, оживут ли эти цветы в его душе или застынут, словно в картинной галерее. На мой взгляд, это стихотворение требует сотворчества писателя и читателя. Автор впускает читателя в свой внутренний мир через внешний. Вопрос в том, готовы ли мы открыться красоте вместе с ним?

Людмила Климович:

Образ, создаваемый стихотворением, размыт: за восхитительной, чёткой и ясной первой строфой следуют незавершённые рифмованные мысли. Перечислены цветы, подорожник, который что-то забирает (что обидно, с моей точки зрения, для подорожника – целительного растения), снова растения, бабочка куда-то уводит, зовёт свирель... Свирель в общем контексте стихотворения выглядит странно – автор рассказывает о том, как, не смотря ни на что, «прорастает рай», и вдруг возникает искусственный объект, флейта. К тому же это слово по созвучию ассоциируется со свирелью, певчей птичкой. Возникает ощущение, что автор ошибся. В завершение используются практически невозможные образы: «жизнь угадывает, кто жив». Может ли жизнь не знать/гадать, кто жив, а кто нет?

Отдельно хочу отметить две строфы – первую и третью. Это прекрасные самостоятельные зарисовки с отличными метафорическими находками.

Умереть ли доверчиво в тихом саду,
 Где печёные яблоки убраны в сетки.
 Где тревожные птицы в осеннем бреду,
 Задыхаясь, сорвутся с насиженной ветки.
 Где мы жили с тобой, не вменяя в вину,
 Что когда-нибудь чувства замрут и отчальят...
 Или жить, озираясь и уши заткнув,
 Словно Шуберт и Моцарт за всё отвечают.

Камила Латыпова:

Стихотворение с первых слов берёт читателя в плен, приковывает внимание. Первые же слова – «умереть ли доверчиво...» – сразу «бьют в сердце». Думаю, всем знакомо состояние отчаяния, желание сдать судьбе и вверить себя Богу. Образ «печёных яблок» перекликается с этим ощущением. Яблоки – не свежие, только сорванные с ветки, не наливные, не червивые, а «печёные». Жизнь затухает...

В целом не новый образ – «насиженная ветка» – работает, он стоит в середине стихотворения и делит его на две смысловые части. Мне видится, что здесь заканчивается философское рассуждение и начинается любовная лирика («чувства замрут», «или жить, озираясь»).

Думается, что последняя строка: «Словно Шуберт и Моцарт за всё отвечают» – «отяжеляет» текст. Возможно, автор хотел вернуться к исходной философской тематике, но это получилось не вполне удачно. Мне чувствуется, что эти слова не дают «взлететь» и «запорхать» мелодической линии стихотворения, которая безусловно есть, но в конце рвётся.

Людмила Климович:

Грустное, меланхоличное стихотворение – мысль без конца, не завершённая ни текстом, ни вопросом: проскальзывает в «никуда». Технически всё сделано хорошо. Но непонятно, почему печёные яблоки в саду убраны в сетки, – явное нарушение логики.

Я жил далеко от лета –
 На севере, в январе,
 Но снова по всем приметам
 Обрёлся в иной поре.

Закат, как дрова в печурке,
 Чадит, искры золоты...
 А в поле играют в жмурки
 Лазоревые цветы.

Наивный прозрачный вечер,
 А более ничего...
 Цитируют клёны ветер,

Камила Латыпова:

Прекрасные живописные образы в сочетании с приятной звукописью. Во вступлении, в завязке произведения, – яркая зарисовка: «Чадит, искры золоты», «лазоревые цветы». В третьей строфе строка: «Цитируют клёны ветер» – сильный образ, который задаёт тон всему стихотворению. В четвёртом четверостишии – нежные «перезвучия», переплетения в тексте. Кульминация – в пятой строфе: «...Ведь я человек «ронимый»./Я падаю, если пьян». Удивляет песенность,

Луна – междометье «О!».

То робкая рябь - по водам,
То берег вздохнет волной...
Берёзка плечом поводит:
«Родимый, пойдём со мной».

Зимы забываю имя...
Призывно поёт бурьян.
Ведь я человек «ронимый»,
Я падаю, если пьян.

Пусть нам не даёт решебник
Для будущих дней судьба,
Но слово «лю-блю» – волшебюно,
Рифмуясь внутри себя.

Цветы, заводь, и дорогу,
И лес как связать в одно? –
Ни память, ни жизнь не могут...
Но только словам дано.

напевность, широта звучания стихотворения. Автор призывает нас петь с ним, сопереживать ему. Стихотворение – словно диалог с природой и читателем, как запев, как песня.

Людмила Климович:

Меланхолия. Красивое в целом стихотворение, которое разрушается ритмическими ошибками во второй и последней строфе («чадит, искры золоты», «и лес как связать в одно?»). Привлекают внимание красивые образы: «играют в жмурки лазоревые цветы», «цитируют клёны ветер...», «берег вздохнёт волной». Однако встречаются и некоторые несоответствия: «закат чадит» – звучит интересно, но когда чадит, искр не бывает; «призывно поёт бурьян» – сама конструкция слова «бурьян» вступает в противоречие со словом «поёт».

Последняя строфа стихотворения – это вывод, который автор хочет донести до читателя, и если бы она была идеальна, возможно, она имела бы право на жизнь. Но... Позвольте читателю понять вас самостоятельно.

6

* * *

Скверы выбриты наголо,
И огонь занемог.
Ни цыкуты, ни ангелов.
Город сушит ледок.
Не Кемер и Венеция
Нас учили не ныть.
Пусть старуха с деменцией
Выйдет кошек кормить.
Пусть на серой окраине
Курит месяц со мной.
Мы с тобою изранены
Среднерусской зимой.
Мы рождением отброшены,
Как волной звуковой,
Доживать – как положено –
В широте снеговой.

Камила Латыпова:

На мой взгляд, в этом стихотворении речь идёт о Петербурге, хотя и завуалированно. Об этом говорит обращение к Венеции (Петербург часто называют «Северной Венецией»). Это подтверждает и строчка: «Пусть старуха с деменцией/Выйдет кошек кормить». «Серая окраина» – эти слова часто используются для описания задумчивого, тоскливого города.

«Мы рождением отброшены,/Как волной звуковой» – северный отдалённый город; реки, каналы, Финский залив, «тремоло» волн, – кульминация стихотворения. Чувствуется недовольство лирического героя, его обречённость, «отброшенность» в мир сырости и слякоти.

Слова «Доживать – как положено – в широте снеговой» – развязка стихотворения. Я думаю, что здесь лирический герой приходит к смирению и согласию со своим городом и с жизнью.

Людмила Климович:

Технически грамотное стихотворение. Ритм и рифмы выдержаны. Нарушает общее впечатление слово «ледок» – звучит некрасиво в описываемом контексте и отсылает к московскому говору с его уменьшительно-ласкательными «чайк», «песочек». В это же время «старуха с деменцией» вызывает ассоциации с Санкт-Петербургом или глухим провинциальным городом. Этот диссонанс рвёт стихотворение на части.

Ещё одно странно используемое слово – «цикута». Рядом с ангелами оно представляется как нечто адовое. Но на самом деле это просто ядовитое растение, и оно по смыслу не рядоположно ангелам.

7

* * *

Ещё немного снега – а потом
Вернуться в дом, младенчески жалея,
Что без тебя пустынная аллея
Не выведет к беседке над прудом –

Заблудится в сугробах, забредёт
За молодые заросли акаций
И никому не будет откликаться,
С густых ресничек смаргивая лёд.

Как будто замкнут на душе твоей
Незримый контур для земного тока,
И только ты, своею жизнью только
Смысл придаёшь сейчас себе и ей.

И первый снег – куда ему теперь
Идти по тишине невыразимой
Через свои бесчисленные зимы –
И молча одиночество терпеть?

А первая синица у окна?
Она на прошлогоднюю кормушку
Не к семечкам летит, а потому что
С тобою хочет свидетелься она...

Жизнь без тебя смутна и неясна.

Ты это знаешь, и тебе тепло...
Отряхивая шубку и сапожки,
Ты говоришь себе: я выйду позже.
Выходишь позже.
Всё уже прошло.

Камила Латыпова:

Тонкая любовная лирика. Слова льются, как песня. Словосочетания: «...младенчески жалея», «...пустынная аллея» – простые, понятные, пронзительные, созвучные каждому. Чувствуется, что стихотворение предельно откровенное. Всё построено классически: фразы, рифмы, образы. В последней строфе – пять строк вместо четырёх. Этот приём, как мне кажется, передаёт не бунт, а смирение лирического героя. Между строк читается диалог автора с мирозданием, поиск ответов на сложные вопросы.

Людмила Климович:

Чудесное стихотворение-переживание. Особый шарм ему придаёт дополнительная строка и изменение записи последней строфы.

о где твой фартук и галстук бантики и колготки
 гостя из будущего я прилетел к тебе чтобы шмотки
 обменять на веру и вот робот вертер
 похожий на танцора годунова
 идёт ко мне с негнушимися ногами
 и мы видишь всегда готовы

и те кто не с нами тот против
 и я люблюсь твоими вьющимися волосами
 и твоим голосом на высокой ноте но главное о боже
 твои глаза глаза глаза
 значит ты никогда не постареешь
 а я поднимусь на лестнице до шестнадцатого этажа
 и позвоню в твою дверь дзинь дзинь дзинь
 с новым годом моя дорогая
 аминь аминь

как всё далеко и в то же время
 как всё прямо здесь
 под рукой

моя гостя из далёкого будущего

я возвращаюсь из школы домой
 с пятёркой на уроке труда
 и свежие комья снега
 и прощение ноябрь зима

Камила Латыпова:

Стихотворение интересно своим композиционным решением: элементы следуют в обратном порядке. В начале стихотворения – кульминация: «...я прилетел к тебе чтобы шмотки обменять на веру...». Во второй строчке появляется «гостя из будущего» – отсылка к одноимённому детскому фильму. Образы и правда выстраиваются, будто в кино, «кадрами». Автор, по-видимому, рисует картины из своего детства.

После развязки, демонстрирующей высокий уровень эмоционального напряжения, начинается развитие действия. Появляются советские лозунги: «мы видишь всегда готовы», «те кто не с нами тот против». Эти цитаты цепляют читателей, которым знакома эта «лозунговая» реальность из рассказов или по опыту. Поэтические «воздушные» образы вплетаются в общую канву стихотворения: «вьющимися волосами», «голосом на высокой ноте», «о боже твои глаза глаза...». И, как бы это ни было парадоксально, в последней строфе мы видим завязку, исходное событие. И это выглядит эффектно.

Людмила Климович:

В стихотворении заметны две ступени, определяющие переход от чистой силабо-тоники к свободным стихам. Это можно рассматривать и как недостаток, и как достоинство, – всё зависит от читателя. Вообще в тексте очень много отдано на волю читающего из-за отсутствия знаков препинания. Например, я читаю «и мы видишь всегда готовы и те кто не с нами», и вдруг возникает ни к чему не привязанное «тот против», и я начинаю читать стихотворение сначала.

Есть в стихотворении заметные диссонансы, два лишних слова:

1) Стихотворение лирическое, очень мягкое. Грубое слово «шмотки» предсказывает жёсткое продолжение, но обманывает ожидания. В юношескую влюблённость как будто прорывается цинизм взрослого. Иногда так подростки, ещё не умея ухаживать за девочками, дёргают их за косички и обзывают.

2) Появления слова «значит» ничто не предвещает в предшествующем тексте. А как констатация факта «ты никогда не постареешь» – вполне в духе стихотворения, и логика не нарушается.

отчего же так бессонно так ненастно в этом марте
ни единой здоровой мысли даже строки не идут
то в париже у гадалки выпал висельник на карте —
по моей заветной карте
разговоры там ведут

отчего так бьется сердце замирая на секунду
беспокойное стаккато долгий выдох с хрипотцой
видно в новом орлеане сотворили куклу вуду —
у неё в груди иголка
у неё моё лицо

отчего зануден голос во дворе поющий соло
чья унылая канцона не вмещается в размер
это ветер прочищает своё призрачное горло
подмосковье одиноково
ночь бессонница гомер

Камила Латыпова:

Стихотворение-размышление, мелодичное, напевное. О музыкальности «кричат» слова в финале: «голос... соло... канцона... ветер... горло». Построение композиции – классическое. Мысль автора движется от частного к общему. Кульминация: «...куклу вуду –... у неё моё лицо». Концовка переносит нас во внешний мир благодаря образам: «ночь бессонница гомер».

Людмила Климович:

Воспринимаю это стихотворение как упражнение. Сделано почти идеально. Для сохранения общей концепции в третьей строфе не хватает тире в конце третьей строки. Отсутствие иных знаков препинания не даёт дополнительных преимуществ этому тексту.

Всё присматриваюсь, прихорашиваюсь,
как будто
Заржавелые звёзды изменяют узор, и – бинго!
Но предательски хочется спать –
от несвежих будней,
От избытка проблем,
от нехватки гемоглобина,
От щенячьей надежды
тебя заслужить у жизни,
От убогого средства
поддерживать в теле вольты:
Так подробно выдумывать
жесты, черты, ужимки,
Чтоб казалось, как будто
за угол сверну – и вот ты.

Лето хлынуло залпом.
Залипла в кирпичных сотах,
В раскалённом сиропе (июля хотели? – нате).
Снова строки ломаются от недостатка сока
В перетруженной мышце,
в тяжёлом сухом гранате:

Можно испаривать лезвием памяти –
не нацедишь
Даже нескольких капель
на самый бездарный хокку.

Камила Латыпова:

Яркое, эмоциональное стихотворение. Сразу привлекает внимание экспрессивный тон. Перекрёстная рифмовка выдаёт склонность автора к классическому построению текста. Вставки на английском языке говорят о стремлении выйти за рамки традиций. Всё это раскрывает настроение и характер героини.

Привлекают внимание прекрасные образы: «от щенячьей надежды», «поддерживать в теле вольты», «в тяжёлом сухом гранате», «в кирпичных сотах», «вытаскиваю за холку», «хребет разгибая гордо», «дешёвый кофе». Они цепляют, трогают, заставляют думать и чувствовать. Я вижу диалог писателя с его внутренним «я». «Я грызу эту жизнь, как умею, давясь изнанкой» – это яркий финал.

Для меня это стихотворение – переживание на психолого-физическом уровне. Такое ощущение благодаря словам: «гемоглобин», «жесты, черты, ужимки», «в перетруженной мышце», «себя из постели вытаскиваю», «хребет разгибая», «давясь изнанкой».

А прохладные сны
        так по-женски нежны и цепки –
Я себя из постели вытаскиваю за холку

В неприветливый город,
        хребет разгибая гордо,
Без отчаянных
        «Господи, give me another option».

Рифмовать о стихах, одиночестве и погоде –
Графоманская придурь
        (но изредка можно). В общем,

Я грызу эту жизнь, как умею,
        давясь изнанкой,
Продолжаю повсюду вынюхивать better offer.
Я, конечно, бодрюсь и не жалуясь,
        но, признаться,
Без тебя это всё –
        растворимый дешёвый кофе.

Людмила Климович:

Гладкое, мягкое, текучее по смыслу и рифме стихотворение. Ничего ни прибавить, ни убавить. Образное. Автор использует интересные метафоры: «заржавелые звёзды», «несвежие будни», «залипла в кирпичных сотах», «грызу эту жизнь».

Споткнулась на слове «черты». При чтении ударение ставится на первый слог и получается «жесты, чЕрты, ужимки» (спасал союз «и» между чертами и ужимками ☺).

Редколлегия «Менестреля» объявляет номера авторов анонимной подборки из 14 выпуска журнала.

Автор стихотворения № 1 – Андрей Шевцов, № 2 – Александр Любота, № 3 – Ирина Надирова, № 4 – Мария Затонская, № 5 – Иван Денисенко, № 6 – Ирина Надирова, 7 – Мария Затонская, № 8 – Андрей Шевцов.